

Былое**Сергей ВЫШЕНСКИЙ****ИСТИНА МОМЕНТА. АРГ-1984**

Согласись, там мы прошли три ничем не примечательных пятерки Б. И я не могу понять, почему эта поездка в Арг запомнилась как одно из самых ярких событий моей жизни. Так говорил мне в мае 2006 года мой хороший приятель мастер спорта Сережа Антонов. Мне по-

Описываемым событиям предшествовало тренировочное восхождение на вершину М.Ганза (4958)

везло больше, чем Сереже. Самое сложное восхождение в своей жизни я совершил за пять лет до поездки в Арг на вершину Малая Ушба с Ушбинского плато. Маршрут длиной около 150 метров оценивался в 2Б. Только оценщики не учли натечный лед, покрывший разрушенные скалы, и сверху толстый-толстый слой снежно-водяной каши, а еще выше – ливень со снегом и ветром. С тех пор я не меряю свою жизнь номинальными категориями пройденных маршрутов.

Летом 1984 года Вальтер Ильич Фурман пригласил команду четырех свежеепеченных перворазрядников из МГУ присоединиться к сбору города Дубны в ущелье реки Арг в южной части Фанских гор. Из МГУ были: Александр Гогин, Андрей Гербач, Сергей Антонов и Сергей Вышенский.

Момент первый. Подарок

Какое еще описание? Ругался выпускающий Берендеев. На гребень – по любому пути, по гребню – до вершины, вот и вся ваша Са-

харная голова за 4Б. Снега нет, льда нет, маршрут скальный. Уходите с глаз долой.

Мы до безумия долго месим мелкую осыпь под перевалом, потом до одурения долго передвигаемся по предельно разрушенному скальному гребню безо всяких признаков спортивного восхождения. Удовольствия никакого. Связи с базовым лагерем нет. У нас дурацкий позывной: База-1. Я обреченно зову Базу. Все окрестные геологи каждый раз уважительно стихают и предлагают передать мое сообщение этой самой главной Базе. Уже вторая половина дня. И вдруг – счастье. Мы с Сережей выскакиваем к основанию отвесного монолитного камин метров 30 высотой. А над ним переливается на солнце всеми цветами ледяной панцирь вершины Сахарная голова. Сегодня мы успеем спуститься в базовый лагерь.

А Сережа сегодня добрый, поэтому я уже лезу по камину. Работают только самые крупные закладки. Свои крупные (обе) я расходую сразу же. Озадаченно возвращаюсь. Собираем Сережу, он вылезает чуть выше, там нужны еще более крупные, а у нас таких нет. У Саши есть одна, которую он называет Мертвая голова. Приходит Саша. Сегодня он не такой добрый, как Сережа. Поэтому в камин лезут Саша с Мертвой головой. Все происходит крайне медленно. Но это не страшно. Мы уже у вершины. Засыпаю на солнышке. Меня будят, спросонья вылетаю на гребень и люблюсь закатом.

До меня не сразу доходит, что никакой вершины рядом нет. Связи нет. Зато есть контрольный срок – 7 утра. К последней связи надо успеть подняться как можно выше. Оттуда на прямой видимости будет холм, где наш радист приладил пассивный отражатель. Иначе – совсем плохо. Мы с Сережей бежим вверх. Последний сеанс связи. Все геологи уже в курсе про то, что на Базе-1 все хорошо, и не понимают, чего мы так дергаемся. Ночь. Аварийные сеансы связи – каждый нечетный час. Ровно в 23 часа я торчу в очередном камине и не рискую достать рацию. В 23:20 выползаю на вершинный купол. Ты, главное, не пусти рацию вниз по льду. Это руководитель восхождения математик Сережа разъясняет мне методику радиосвязи. Не ждате же до часу ночи. База, я База-1, у нас все хорошо, прием. База-1, слышу тебя отлично, где находитесь? Сразу же отзывается

Слева Сахарная голова (4910) с характерной белой шапкой, в центре – Красная Москва (5183)

Вальтер Ильич. Фурман всегда добрый. Поэтому у нас теперь новый контрольный срок.

Твой голос был – как подарок свыше. Так сказал Фурман, когда мы вернулись.

Момент второй. Первые ночевки на стене

Никто из нас не имеет права руководить нашим первым восхождением 5Б категории трудности. Так говорят Правила. Поэтому с нами идет Фурман. Для обеспечения радиосвязи и наблюдения на леднике под стеной Сахарной головы будет ждать Берендеев. Теперь наш маршрут – по правому контрфорсу С стены. Снег с дождем. Все как-то нервничают. Для успокоения решаем обработать вечером пару веревок через бергшрунд. Это было правильно. Как сказал Фурман, все увидели, как контрфорс ложится, если его потрогать руками.

Утром густой туман, снег, дождь. Без навешенных веревок мы бы просто не нашли маршрут. Первый протяженный отвесный участок стены воспринимается как долгожданное место посуше других. Выше хорошо видна площадка для плановой ночевки. Первым идет Саша. Очень тяжело и долго. Жуткое ощущение от его сдавленного крика. Срыв. Все обошлось. На его лицо страшно смотреть. Ничего похожего на нашего балагура с хитрым прищуром. Совсем поздний вечер. Ночуем, тут как раз полка, говорит Фурман. Он большой фантазер. Полка – это 10 сантиметровая полоска с уклоном 45 градусов. Мы не готовились к чисто висячей ночевке. У нас нет гамаков и платформ. Мы просто набиваем очень много крючьев, опутываем их в основном горизонтальной веревкой, которую пропускаем через окошки палатки. Все закрепляются на веревке и всю ночь ищут полку Фурмана, чтобы на ней посидеть. В этой палатке мы имеем двухразовое горячее питание: один держит примус на коленях, другой держит котелок с водой, остальные расправляют палатку так, чтобы не сгорела. Всем хорошо.

Второй день. Погода совсем никакая. Полностью промокли и промерзли. Работаем слажено и спокойно. Когда я понимаю, что наша вторая за этот день веревка будет последней, а второй висячей ночевки я не переживу, спокойно говорю. Если вы не против, я сделаю площадку для палатки. Неплохая шутка, отзывается Фурман, валяй. В этот момент мы развешаны на стене, а рядом широкий – более метра – камин, расширяющийся книзу. Чуть ниже нас в камине заклинился камень-пробка с острой верхушкой. Молотком, ледорубом и прочим железом я выковыриваю из стены камни и бросаю их в камин, пытаюсь заклинить их рядом с пробкой. Все пролетает насквозь к леднику. Тогда залезаю в камин сам, и, свешиваясь вниз головой, заклиниваю очередные камни руками. Постепенно Андрей начинает

С.Вышенский, А.Гогин и А.Гербач

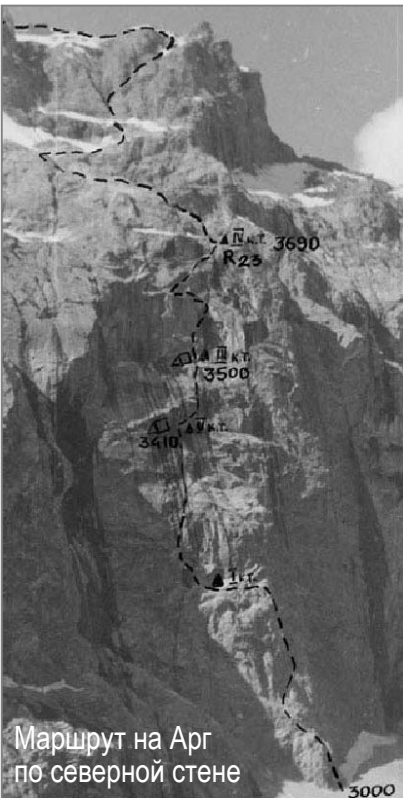
верить в затею и активно включается в строительство. Остальные молча и сосредоточенно нас страхуют. К этому времени Сережа уже провесил веревку вверх и спустился к стройке. Камней не хватает, и в ход идут куски льда. Часа через три мы имеем площадку под полную палатку, и еще кусочек для кухни рядом. Ворочаясь

перед сном, Саша сообщает, что ему под бок кто-то, очевидно специально, подложил какой-то камень. Это значит, что Саша вернулся в норму. Никогда, ни до, ни после, я не имел столь комфортабельного ложа.

С этой стороны Сахарную голову венчает шапка крутого льда. Веревки 10. Мы с Андреем по очереди очень быстро поднимаемся в кошках и часами ждем остальных. Сил стоять нет. И я сижу, подложив под себя ногу в ботинке. Расплата за отдых жестока. Ночью на вершине обнаруживаю, что нога опухла и потеряла чувствительность. Спуск – мученье.

В базовом лагере врач Татьяна долго изучает мою ногу и советует расслабиться. Это насовсем, звучит приговор. Подвижность не восстановится.

Момент третий. Одиночная техника

Через три дня по плану у нас маршрут 5Б по С стене на Арг. Также известен, как Маленькая шестерка по щели. Выпускающий Берендеев хмуро говорит. Группу из трех человек не выпущу. Хромого не выпущу. Не такой это маршрут, чтобы к нему так несерьезно относиться. У Фурмана и Берендеева свои планы с ребятами из Дубны. У нас патовая ситуация. Мы идем к Фурману и радуем его известием о том, что теперь у Дубны в базовом лагере будет хорошо обученный и всегда готовый спасательный отряд.

Фурман нас сильно озадачивает. Пусть ваша команда самостоятельно примет решение, а выпустить вас я и сам могу, говорит старший выпускающий Фурман. Я до сих пор учусь у Вальтера Ильича Фурмана относиться к людям с добротой и доверием.

Тут выступаю я со следующим планом. До первого контрольного тура около 5 веревок скал 4-5 категории. Мы с Сережей пойдем с вечера на их обработку, я попробую работать первым, и станет ясно, смогу ли я пройти маршрут, и смогу ли я принести пользу на восхождении. Все соглашаются.

Я жестоко бинтую ногу, и прохожу 5 веревок с таким остервенением и с такой скоростью, что Сережа на обратном пути успевает подойти за консультацией к Г.Старикову, который жил в палатке под стеной. Этот человек командовал какой-то комиссией в Спорткомитете СССР. Молва утверждала, что именно он лишал людей разрядов и званий за малейшие шероховатости в бумагах. В тот год Стариков руководил командой, которая пыталась сделать первопрохождение на С стену Арга правее нашего маршрута – вверх по склизкому водопаду. Им это удалось только в следующем году. Я не решился показаться перед начальственными очами со своей ногой и укувылял в лагерь выпускаться.

Утром подошли к щели – камину весьма переменной ширины, забитому грязью и льдом. Последний верхний участок щели первым проходил Саша. Вообще-то это был самый сложный участок, но шел его Саша так долго, а в камине было так холодно, что я предложил Сереже схулиганить. Мы вышли на стену влево и очень быстро обогнали Сашу и Андрея. Я предложил Саше подержаться за нашу веревку, но он сказал, что у него особенная гордость, и если бы он хотел обойти камин, то давно бы обошел, а так он пройдет именно канонический маршрут, такой, как учили Руфина и Шумилов, и, вообще, мы с Сережей демонстрируем неспортивное поведение. Еще у него осталось время позадирать мрачную Стариковскую команду,

В нижней части маршрута на Арг (А.Г.Огин и С.Вышенский)

которая стояла на стремених в черных блестящих капюшонах внутри водопада: ребята, а зачем вы это делаете? Ребята надвигали капюшоны поглубже и пытались повернуться к нам спинами.

В гроте у второго контрольного тура мы были около 3 часов дня. Там была лужа грязи и, вообще, неуютно. Я агитировал идти дальше, но Саша сослался на план, на усталость, а также на то, что он сегодня руководитель. Пришлось поставить палатку и пообедать. Солнце было высоко, и мы с Сережей двинулись на обработку. После удачного обеда Сережа был добрый, и я пошел первым. На

Лазание по внутреннему углу, а рядом течет вода
(лидирует А.Гогин)

третьей веревке встретился длинный камин. В нижней части он был так широк, что уперев в одну его стенку ноги и вытянувшись горизонтально, я мог упереться в другую стенку только полностью вытянутыми руками. Мне показалось прикольным пройти этот камин именно таким приемом. В верхней

части камин стал поуже, но скалы были так сильно разрушены, что исключали организацию страховки. Совсем плохо мне стало в этом камине, когда Сережа спокойно сообщил, что веревка закончилась. Я метался в поисках хоть какого-нибудь решения. Пытался спуститься к промежуточному крюку и понимал, что не смогу. Моя последняя надежда – ледовая морковка – легко входила в разрушенную скалу и еще легче из нее выходила. Я осыпал Сережу щебнем и просьбами (как последний чайник) выдать мне еще чуть-чуть веревки. Сережа спокойно пояснял, что веревка совсем и правда вся закончилась, и я понимал, что Сережа прав, но ругался на него все сильнее. В конце концов, я загнал морковку в самую глубину камин, где она села намертво и, скорее всего, сидит до сих пор. После этого обиженный Сережа ушел обратно в грот, а я еще долго привыкал к тому, что остался жив, и перевешивал веревки так, чтобы по ним было удобнее идти утром.

Спускаясь к гроту, я заметил белую киргизскую шляпу Фурмана, который с вершины большого камня рядом с базовым лагерем наблюдал за нами в подзорную трубу. Позже он сказал: я видел, как вы много и полезно перемещались. В гроте я был поражен тем, что Саша и Андрей провели генеральную реконструкцию, убрали лужу, выровняли пол и приготовили роскошный ужин.

Утром они спрашивали меня, как удалось пройти вечером эти безумные веревки, а я так и не рассказал им про свой рецепт – прохо-

дить сложный участок на обратном пути, то есть сверху вниз. Похоже, все мы плохо знали описание маршрута и плохо поняли консультацию Старикова. В этот момент у нас было ощущение, что все трудности уже позади, и остался только простой выход на крышу Арга по разрушенным скалам. Между тем (как выяснилось значительно позже) мы подошли к ключевому участку всего маршрута, перед которым был третий контрольный тур.

Снизу смотрелась система нависающих коротких стенок. Сережа быстро прошел их, применяя лесенки. Саша не захотел идти по перилам и прошел свободным лазанием без лесенок, причем остроумно глумился в том смысле, что если ноги расставлять пошире, то нависающие стенки остаются далеко внутри внутренних углов, в которые никто никого не заставляет лезть, разве только для того, чтобы потом в отчете зависить категорию трудности маршрута. Короче, сказал Саша, давайте дальше идти независимыми связками, взаимодействуя на уровне оставленных крючьев.

Когда мои товарищи скрылись из виду, убрав (как велит учебник) лишние промежуточные точки страховки с моей веревки – чтобы мне было удобнее идти, мой взгляд почему-то оказался прикован к яркой оттяжке, прикрепленной к оппозитной системе закладок, установленных Сережей в месте резкого поворота маршрута. Она красиво порхала, отслеживая движение впереди идущих, а потом очень медленно и нехотя приползла ко мне вместе с парой закладок. В тот же момент веревка стала выбираться, сообщая мне, что страховка готова.

По моим ощущениям, точка страховки находится выше меня метров на 10 и правее метров на 30, а промежуточных точек страховки похоже нет вовсе. Если я срываюсь в районе нависающих стенок, то делаю маятник вправо, где меня встречает противоположная стена пресловутого зеленого кулуара, где течет ручей и растет мох, смазанный глиной. Физика учит, что в момент встречи со стеной моя скорость в направлении внутрь стены будет равна скорости, которую я бы набрал при свободном падении с высоты около 20 метров. Это как-то многовато. Криков моих никто не слышит, веревка идет через перегиб так туго, что никакие сигналы рывками не проходят. А Сережа человек спокойный, он очень не скоро заинтересуется тем, что тут со мной происходит.

Крутая часть стены закончилась!

Передо мной в позе джина возникает Шумилов и говорит. Если вы оказались в критической ситуации на стене в одиночестве, не паникуйте и подумайте. Вы всегда смо-

жете найти способ страховки, позволяющий двигаться безопасно. А сейчас действующий мастер покажет вам пример такой техники одиночного хождения. Это в лагере Артуч были такие демонстрации.

Меня особенно возмущает мой же диагноз "в одиночестве". Командный вид спорта! А какая тонкая граница между успехом и критической ситуацией.

Провожу инвентаризацию. Молоток, две петли само страховки, петля 10 м для организации станции, два жумара, несколько петель репшнура (лесенок нет, но сделаю стремена), две закладки с оттяжкой, несколько лишних карабинов. И еще на стеночках видны несколько чужих крючьев. Похоже, что мне вообще никто не нужен, чтобы здесь ходить.

Поднимаясь и опускаясь от точки страховки до точки страховки – по методу Шумилова, пропуская нависания между ног – по методу Саши, я больше всего жалею, что никогда не смогу рассказать Шумилову про свои подвиги. Ведь убьет за создание критической ситуации на ровном месте.

Когда я выбираюсь на край крыши Арга – к четвертому контрольному туру - не могу говорить - только лежать. Саша озадаченно читает и сравнивает записки из контрольных туров. По всему выходит (а позже это подтверждается*), что предыдущее прохождение нашего маршрута закончилось срывом двойки в зеленый кулуар со смертельным исходом. На вершине Арга я прошу прощения у Сережи за то, что не по делу ругался на него.

* Записка из второго контрольного тура была оставлена группой спасателей. Из третьего – двойкой, с которой позже произошел несчастный случай. Из четвертого – группой, прошедшей маршрут перед двойкой (прим. ред.).

Момент четвертый. Командная тактика

Снова на Сахарную голову. Теперь по столбу С стены за 5Б. Накопилась усталость, но появилась экономичность, плавность и отточенность движений. Перед верхушкой столба Сережа пролезает зубодробительный камин с огромной притертой пробкой. Проходя его с верхней страховкой, я не могу поверить, что Сережа смог его пройти первым. Площадка на верхушке столба, поздний вечер и холодный дождь оставляют нас на ночь.

С утра – холодное солнце. Над нами зловещий внутренний угол, забитый натечным льдом, накрытый нависающим скальным лбом, который сверху прикрыт ледником. Глядя вверх, были предприняты следующие приготовления: Сережа надел ботинки с кошками, я надел ботинки без кошек, Саша надел галоши, а Андрей (со словами – ну, это надолго) лег досыпать.

Первым пошел я, что-то забил, что-то положил, частично сколол лед, сообщил, что возвращаюсь надевать кошки. Сережа сказал, что он-то уже в кошках, вышел вперед, что-то забил, что-то положил, частично сколол лед, сообщил, что в кошках здесь делать нечего, что возвращается снимать кошки. Он снял кошки, я – надел и снова вышел вперед. Смог потрогать скальный лоб сверху, нащупал старый шлямбурный крюк, сообщил, что он шатается, и что я его сейчас вытащу пальцами, но передумал и вернулся. Примерно так же выступил Сережа. Сашу, наконец, прорвало, он сообщил нам свое развесистое мнение о нас обоих, разбудил Андрея и до обидного быстро вылез в галошах на лоб. После чего умудрился траверсом обойти лед и скрыться за перегибом.

Траверсируя лоб на перилах, я с нехорошим ощущением увидел повторение ситуации у зеленого кулуара. Только теперь – для Андрея, который пойдет последним. Остановился, и мы с Андреем обсудили его дальнейшие действия. К счастью, он не только согласился с моими предостережениями, но и очень грамотно распорядился лишним фрагментом веревки, пожертвовав угловой крюк с карабином. И снова жалею, что не смогу рассказать об этом Шумилкову. Ведь убьет за вторичное наступание на те же грабли.

Следом идет последняя стенка сложной части маршрута, которая выводит на простой гребень. Я иду последним. Причем, из-за нестандартного применения веревки при траверсе лба, я иду по перилам без страховки. Сейчас уже не пойму деталей, почему именно так получилось. Но последняя стенка перед простым гребнем, последнее наше восхождение на этом сборе. Короче иду. Узел на конце перильной веревки развязал, как велит учебник. Жумар подстраховал схватывающим узлом. Быстро иду. Уже хочу, чтобы кончилось все. И вижу, как вылетает лепестковый крюк в точке перехода перил с вертикального участка на почти горизонтальный траверс

по гребню. И медленное такое свободное падение. А мой жумар не приспособлен для рывков. Не для этого он предназначен, а схватывающие узлы, как известно, рывков вообще не выдерживают. А перила – это не страховка. У них верхний конец жестко закреплен. И веревка перильная советская – жесткая, рывок не амортизирует. Это я так без всякой паники и спешки думаю. Лечу себе не торопясь. Что можно предпринять, думаю. Похоже, что ничего нельзя уже предпринять. Похоже, что уже все я предпринял, что только можно для создания именно такой ситуации. Рывок. Наконец-то. Я повисаю, не касаясь стены. Перед глазами жумар и веревка. Оплетка перекушена. Она задорно топорщится в стороны, как лепестки ромашки, причем продолжает расходиться все дальше и дальше. Но чистенькая сердцевина веревки держится. Очень нежно подтягиваю себя к стене, передвигаю жумар выше перекуса. Наверху – крошечная тишина. Вежливо так интересуюсь, какая такая сволочь забила лепесточек в точку перегиба перил. Саша отвечает в том смысле, что он очень рад меня слышать, причем рад даже гораздо больше, чем обычно.

Момент пятый. Особенно мне понравился суп

Всем нам приходилось ходить по горам "для клеточек". Бывает и восхождение не интересное, и компания – хуже некуда, а терпишь, потому что надо "закрыть разряд".

Получив прошлым летом 1 разряд и право ходить на 5Б, все мы четверо торжественно обещали, что все, клеточек больше не будет. Будут только прекрасные горы, красивые маршруты и только очень хорошие, только самые хорошие люди рядом. И все наши восхождения в долине Арга так и было. И все мы были счастливы. И благодарили друг друга за это счастье.

И тут вдруг случилась конфузия. После завершения сбора мы вдруг осознали, что нежданно-негаданно почти полностью выполнили в Арге норматив КМС тех лет. И остались какие-то мелочи, вроде пятерки в двойке. И старый ужас вернулся. Мы снова стали говорить "пятерка" вместо гордого названия гордой вершины. И мы с Сашей полетели из Душанбе на Кавказ в Дигорию к Руфине и Шумилову – закрывать клеточки.

Шумилов нам помог опомниться. Он выслушал осторожный рассказ про Арг, про Сахарную голову, про недостающие клеточки, почмокал и изрек. А знаете, ребята. Бог с ними с этими клеточками. Мне тут нужно усилить группу на Лабоду по СЗ ребру. Это 5Б и вам для КМС уже не нужно. Но, может быть, сходите? Будет у вас сразу КМС с превышением. Конечно сходим, большое спасибо! Рванули мы с Сашей рубаху на груди в едином порыве.

На СЗ ребре Гл. Лабоды мы провели долгих 7 суток. Никогда еще на меня не высыпалось столько мокрого снега, никогда еще мне не

приходилось каждую ночь регулярно выползать из палатки, чтобы откопать ее из под очередной лавинки. Там было штормовое предупреждение, закрытие района, Шумилов сам приходил на связь под стену. Нам было хорошо. Мы были счастливы. И Шумилов был счастлив вместе с нами, и говорил нам по радиации: ну вы ребята даете.

Затем слово взяла Руфина Григорьевна Арефьева. Испытание, придуманное ею для меня, оказалось посложнее. Она предложила мне поруководить траверсом Сугана, а в участницы ко мне определила легендарную Зульфью. Это та, которая в лагере Артуч обвинила в домогательствах своего инструктора, который жил в гамаке. А Шумилов провел экспертизу*, попросив участницу-эстонку определить, возможно ли это, с учетом места жительства инструктора. И покувыркавшись в гамаке, многоопытная эстонка сказала: в этом месте от мужчины ничего иметь не можно.

А ты, сказала Руфина, сделай так, чтобы все было хорошо. В случае чего я тебя прикрою, но не сильно. Я определил Зульфью в связку с собой, много диковинного повидал на восхождении. Но доконал меня суп. Она сварила суп из чудесных пакетиков, добытых дубненцами в каком-то спец-распределителе и привезенных нами из Арга. Пакетик состоял, в основном, из соли и предназначался на 6-8 порций. В кастрюльке для 4 человек Зульфья растворила 4 пакетика. Сама она есть и даже пробовать этот суп не стала, ссылаясь на неясные причины, а мы под разными предложениями выбегали из палатки с супом, а возвращались – без. Долго размышлял я, что сказать на разборе про Зульфью. Придумал так. Про каждую деталь говорил все с точностью до наоборот. Зульфья весь маршрут шла первой. Уверенно чувствует себя на скалах, на льду, на снегу. Прекрасно забивает крючья, организует надежную страховку. Но самое важное, что она умеет создать вокруг себя атмосферу доброжелательности, душевного тепла, а как она умеет готовить! Мое самое любимое блюдо – это суп, который она сварила на Сугане. Руфина смеялась до слез и говорила, что наконец-то я стал взрослым, а Зульфья сияла от гордости за себя.

По результатам того сезона мы с Сашей не только получили КМС'ов, но и разделили первое-второе места в кубке г.Москвы по совершенным восхождениям. В мае 2006 г. Сережа Антонов скажет: вот видишь – этот сезон и правда был важным событием в масштабе альпклуба МГУ.

май 2006

Примечание **В.И.Фурмана**: Одно уточнение, весь подъем по льду на первой Сахарной голове занял не более полутора часов, даже с учетом того, что я переодевал слетавшие кошки. Про восхождение на Арг я узнал много нового. Правда, люди МГУ выступали в своем репертуаре.

* См. на 12 стр. «Следственный эксперимент»

Виталий ТОМЧИК (Одесса) Следственный эксперимент

80-е годы прошлого века. Памиро-Алай. Альплагерь «Артуч»

Как-то, просветленные очередной политинформацией начспаса Шуры, мы разошлись по утру жарить Маринку (мой компьютер упорно пишет «Маринка» с большой буквы. Идея у него похвальная, но это по-молодости; для меня она лет на двадцать запоздала.). В общем, «сидели, пили в разной и вдруг нас всех...» командиров отрядов вызывают в учебную часть, то есть на полянку к Шумилу и Арефьевой. Шумил сидел на арчовом пне, задумчиво глядя на стену Мирали, и явно прикидывал маршрут на очередной Союз. Руфина же с благородной дрожью в голосе довела до нашего сведения, что в учебную часть поступила жалоба от участницы П. на инструктора, командира её отделения Ч., о неблагородных поползновениях с его стороны. И Руфина, являясь женщиной, и, поэтому стороной предупрежденной, просит нас, мужиков, самих разобратся по сути этой жалобы. После этого Руфина удалилась, оставив нас, как присяжных, в глубоких раздумьях.

«Ну, и что мы будем делать с этим мудаком», – спросил Шумил, оторвав взгляд от лавинки, проскользнувшей по намечаемому маршруту. «Полный инвалид, – сказал Дима. – Дожить до инструктора в альплагере «Артуч» и не суметь убедить девушку в благородстве своих намерений...» «А девушка-то хоть, достойный экземпляр?», – поинтересовался севшим от Политинформации голосом Шура. «Да откуда, – ответил Юра. – Все нормальные участницы в 1-м отряде и во 2-м, а это же 4-й, что осталось». «Так радовалась бы...», – начал было Шура, но Шумил прервал его размышления. «Не в этом суть, – пояснил Шумил. – Участница эта из Москвы и протеже Руфины, вот почему она рвет и мечет, и ушла с совещания». «.....», – сказали мы. «Мы должны отреагировать. Но так, чтобы выйти из этой ситуации достойно», – ждал наших предложений Шумил. «А способен ли на активные действия инструктор, не умеющий даже уговорить участницу?» – глубокомысленно произнес Юра. «Вы предлагаете выстроить линию «инструктор-импотент»? – задумался Шумил. – Но ведь импотент в наших несгибаемых инструкторских рядах – позор Артуча». «Это точно», – согласились мы. «Да он же просто псих ненормальный!» – вспылил Дима. «Ненормальный псих-инструктор, еще хуже, чем импотент, – заметил Виталий. – Давайте выдвинем гипотезу, что он Чудак. Чудачок эдакий, шутник. Вы видели, как он спит?». «А как он спит?» – заинтересовался Шумил...

А спал Ч. действительно чудачковато. Он модифицировал рюкзак типа «Ермак», легким движением превращающийся в подвесную платформу. И укрепил эту платформу на ветке сухой арчи, устелил корой и спал в этом сооружении для тренировки. Потому как без тренировки туда даже залезть было проблематично. А уж вдвоем, а уж ... «Это идея, – обрадовался Шумил, – а ну, идем поглядим». Четыре командира отрядов и начспас во главе с начучем двинулись к месту дислокации 4-го отряда. «Вы куда, мальчики?» – поинтересовалась вслед нам Руфина. «Проводить следственный эксперимент», – важно ответил Шумил.

«Доказать, что Ч. импотент или идиот, мы не можем и не хотим, – вещал Шумил по дороге, – А вот чудак, не понятый девушкой – это вполне...». «Гайла, – позвал Шумил, когда группа проходила по территории 2-го отряда, – пошли-ка с нами». Гайла, Гайлуте – мастер спорта по спортивной гимнастике, комсомолка и просто красавица из Прибалтики – мягко заструилась рядом с нами с немимым вопросом в глазах. Под арчой, на репшурах, висело странное сооружение, уже не рюкзак, но еще и не платформа. Руководство лагеря обступило это чудо инженерной мысли, тыкая пальцами и дергая за шнуры. «Гайла, твой выход, – огласил Шумил. – Попробуй туда залезть, а потом... Ладно, сначала просто залезь». Грациозная Гайла, делающая шпагат между камнями, попыталась уложить свое тренированное тело на неустойчиво висящее на арче ложе. Арча скрипела, репшнуры неравномерно растягиваясь, перекашивали платформу, но Гайла все-таки смогла принять горизонтальное положение. «Я это смогла», – с чудесно-протяжным акцентом произнесла Гайла. «Это-то ты смогла, – мрачно процедил Шумил, – а вот можно ли там, это...м-м...». Шумил замаялся. Слово «трахаться» тогда еще не придумали, а словосочетание «заниматься любовью» в этом случае было явно не уместно. «Изобрази-ка какую-нибудь позу из Камасутры», – нашелся начитанный Виталий. Гайла была из европеизированной республики и мысль поняла. Она попыталась принять какую-либо известную ей позу, но сооружение закачалось и Гайла чуть не получила следственную травму. Мы сдержанно давали советы, а Шура даже запечатлевал эксперимент на «Зоркий». Несколько минут промучавшись в неустойчивом положении, Гайла певучим прибалтийским голосом вынесла вердикт. «Мальчики, – сказала Гайла, – если я, мастер спорта, с огромным трудом в одиночку могу удержать равновесие на этом насесте, то даже предполагать попытку какого-либо контакта мужчины и женщины на этом сооружении невозможно».

«Что и требовалось доказать, – мгновенно согласился состав присяжных. – Инструктор просто шутил, дурачился, а девушка и впрямь губу раскатала». И комиссия дружной толпой отправилась на доклад к Руфине Григорьевне. Когда мы довели до сведения Руфины выводы комиссии и заявили, что готовы приложить фотоматериалы, Руфина потеряла дар речи. Выражение, что все мужики сволочи, было самым мягким из ее высказываний...

P.S. Девочку мы перевели в другой отряд и она благополучно сходила положенные ей горы.

P.S.S. Инструктора Ч. в конце смены уволили, а мы постарались сделать его появление в других альплагерях СССР не приемлемым. Арча в конце сезона была распилена и роздана участникам следственного эксперимента, как напоминание о коварстве женщин, глупости инструктора и гибкости Гайлуте. <http://fany.ru/>